

Научная статья

УДК 81-13

doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-84-93

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ МАРКЕР ЭТО САМОЕ В РАЗНЫХ ТИПАХ РУССКОЙ РЕЧИ (СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Сунь Сяоли

Юго-восточный университет, Нанкин, Китай, sunxiaoli_smile@163.com, ORCID: 0000-0003-2319-7398

Аннотация. Прагматические маркеры (ПМ) играют важную роль в порождении и организации устной речи на любом языке. Настоящая статья посвящена сопоставительному исследованию употребления ПМ это самое (ЭС) в разных типах русской речи, зафиксированной в трех корпусах: корпусе повседневной русской речи «Один речевой день» (реальная, в основном диалогическая, речь), корпусе монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека» (монологи, полученные в экспериментальных условиях записи) и Мультимедийном подкорпусе Национального корпуса русского языка (разные типы квазиспонтанной речи, частично подготовленной или стилизованной под разговорную). По результатам анализа корпусного материала, речевые употребления ПМ ЭС делятся на четыре типа: hesitant marker (наиболее частотный), marker-boundary, marker-self-correction и marker-xeno-indicator. Последние два типа используются говорящими существенно реже, чем первые два. Особенности реализации всех этих типов маркера ЭС несколько различаются в разных корпусах. В целом ЭС чаще употребляется в диалогической речи, чем в монологической; чаще в разговорной речи, чем в устной публичной речи и речи кино. Частота употребления ПМ может быть показателем степени естественности и спонтанности устного дискурса.

Ключевые слова: прагматический маркер, корпусный подход, спонтанность, повседневная речь, монолог, диалог, имитация речи, публичная речь

Для цитирования: Сяоли С. Прагматический маркер *это самое* в разных типах русской речи (сопоставительное корпусное исследование) // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 6 (476). С. 84–93. doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-84-93.

Original article

PRAGMATIC MARKER *ETO SAMOE* IN DIFFERENT TYPES OF RUSSIAN SPEECH (COMPARATIVE CORPORAL STUDY)

Sun Xiaoli

Southeast University, Nanjing, China, sunxiaoli_smile@163.com, ORCID: 0000-0003-2319-7398

Abstract. Pragmatic markers (PM) play an important role in the generation and organization of oral speech in any language. This article is devoted to a comparative study of the use of PM *eto samoe* (ES) in different types of Russian speech, recorded in three corpora: the corpus of everyday Russian speech “One Speaker’s Day” (real, mostly dialogic speech), the corpus of Russian monologue speech “Balanced Annotated Textbook Library” (monologues obtained under experimental recording conditions) and the Multimedia subcorpus of the Russian National Corpus (various types of quasi-spontaneous speech, partially prepared or stylized speech as colloquial). According to the results of the analysis of the corpus material, the uses of the PM ES are divided into four types: hesitant marker (the most frequent), boundary marker, self-correction marker, and xeno-marker. The last two types are used by speakers much less frequently than the first two. The features of the implementation of all these types of marker ES vary somewhat from one corpus to another. In general, ES is used more often in dialogic speech than in monological speech; more often in colloquial speech than in oral public speech and film speech. The frequency of the use of ES may be an indicator of the degree of naturalness and spontaneity of oral discourse.

Keywords: pragmatic marker, corpus approach, spontaneity, everyday speech, monologue, dialogue, speech imitation, public speech

© Сяоли С., 2023

For citation: Xiaoli S. Pragmatic marker *eto samoe* in different types of russian speech (comparative corporal study). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(6(476):84-93. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-84-93.

Введение

С развитием различных технологий все больше информации, которую мы получаем ежедневно, доходит до нас в электронном виде. Одной из таких форм организации данных является языковой, или речевой, корпус, под которым мы понимаем «многогранное собрание естественных случаев употребления языка в виде текстов разной жанровой и стилистической направленности, хранящиеся в электронном формате» [9. С. 8]. Для нужд лингвистических исследований создаются объемные языковые и речевые корпуса, что проясняет стремление современной лексикографии к использованию данных мониторинга современного состояния нашего языка и речи и к «обновлению словарного пространства» [3. С. 7]. Развитие корпусной лингвистики и создание корпусов является одной из актуальных и перспективных задач современного языкознания, что существенно расширило возможности масштабного изучения особенностей устной речи. Использование корпусного подхода к отбору материала для любого лингвистического исследования не только расширяет возможности многоаспектного анализа и описания этого материала, но и делает возможным создание в конечном итоге не обычного, традиционного словаря, а так называемого «словаря активного типа» [2. С. 9] — в рамках предлагаемого исследователями перехода от лексикографии к *речеграфии* [13].

Одним из активных процессов современной русской устной речи, наряду с грамматикализацией и идиоматизацией, можно считать *прагматикализацию*, провоцирующую переход некоторых лексико-грамматических форм на качественно иной, дискурсивный уровень языка. В этом процессе единицы практически утрачивают свое исходное лексическое и/или грамматическое значение и уже не вносят никакого вклада в пропозициональное содержание высказывания, выполняя в нем лишь те или иные функции [5. С. 13; 8. С. 17]. Многие работы ученых посвящены данному активному процессу (см., например: [4; 17; 22–26]).

Слово *самый*, ставшее объектом настоящего исследования, в академических толковых словарях квалифицируют как определительное местоимение, в то время как в устном дискурсе оно очень часто попадает под действие процесса *прагматикализации* и в результате выходит из класса

местоименных слов и превращается в компонент функциональной единицы дискурсивного уровня — прагматического маркера (ПМ) *это самое* (ЭС) (см. о нем: [12. С. 435–458; 17]).

Цель настоящей работы заключается в сопоставительном исследовании употребления разных форм ПМ ЭС в разных корпусах, содержащих русскую устную речь разного типа.

Материал и методы исследования

Источником материала для исследования являются три разных корпуса: «Один речевой день» (ОРД), Мультимедийный русский корпус (МУРКО) Национального корпуса русского языка и «Сбалансированная аннотированная тексто-тека» (САТ).

Корпус ОРД¹ содержит, за редким исключением, повседневную диалогическую речь носителей русского языка: это около 1450 часов звукозаписей речи, полученных от 128 информантов, мужчин и женщин, в возрасте 17–83 лет, и более 1000 их коммуникантов (см. об ОРД подробнее: [15; 19–21]). Отличительной чертой этого корпуса является максимальная близость материала к естественной повседневной речи.

Корпус САТ включает исключительно монологическую речь носителей русского языка и интерферированную русскую речь инофонов: сегодня это свыше 800 текстов разного типа (чтение, пересказ, рассказ на заданную тему и описание изображения) (см. о звуковом корпусе САТ подробнее: [7; 10; 14]). В работе использовалась только речь на русском языке как родном для говорящего.

Объем корпуса МУРКО² сейчас превышает 5,4 млн словоупотреблений. Преимуществом данного электронного ресурса для онлайн-поиска является доступ не только к транскрипту, но и к сопровождающему его аудио- или видеоклипу. Ядро МУРКО составляют речь кино и устная публичная речь (94,9 %), относящиеся к так называемой квазиспонтанной речи, которая характеризуется достаточно высокой долей подготовленности и значительно меньшей степенью спонтанности. Очень низкой (только 0,9 %) является в МУРКО

¹ Корпус повседневной русской речи «Один речевой день». URL: <https://ord.spbu.ru/>

² Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

доля текстов устной непубличной речи, которая отличается полной неподготовленностью и непринужденностью речевого акта.

Для конкретного анализа были выбраны 477 текстов ОРД, содержащих 480 употреблений ПМ ЭС; 5 монологов медиков и 10 монологов юристов из корпуса САТ, содержащих 46 употреблений ПМ ЭС; 213 контекстов из МУРКО, содержащих 225 употреблений ПМ ЭС.

Отбор ПМ ЭС из трех корпусов осуществлялся методом сплошной целенаправленной выборки, в работе использовались традиционные методы: описательный (контекстный анализ), сопоставительный, квантитативный (простые количественные подсчеты) и статистический.

Контекстный анализ материала

Маркер *это самое* в устной речи выступает в разных своих грамматических формах, демонстрируя большую (в «классической» форме Им. — Вин. пп., ср. р., ед. ч. *это самое*) или меньшую степень прагматикализованности (другие формы *этот самый*, *эта самая*, *эти самые*, *это-го самого*, *этих самых*, *этими самыми* и пр.).

Наименьшей степенью прагматикализованности характеризуется употребление ПМ ЭС в качестве *поисково-гезитативного маркера*, когда объектом поиска является имя существительное (наименование), ср.:

*а еще один *Н // # и что я должен вот **этот самый** же... же... ш... талончик да / засунуть ? # да* (ОРД)¹;

*и поехали значит на **этом самом** () на вот этой вот () канатной дороге* (САТ);

*Конечно / надо снимать. Почему? Потому что я говорю / Константин Давыдыч / вот беспилотный вы щас будете посылать к **этому самому** / к станции? Дá-дá-да / значит / проверим* (МУРКО).

В примере (1) видна гармония форм маркера ЭС и найденного имени (*этот самый* <...> *талончик*). В примерах (2)–(3) наблюдается дисгармония этих форм (на *этом самом* <...> *канатной дороге*; к *этому самому* <...> к *станции*).

В ситуациях, когда объектом поиска является не имя, а иная единица, вплоть до предикативной, грамматическая подстройка невозможна:

¹ Знак *Н в расшифровках ОРД означает неразборчивый фрагмент, знак # — мену говорящих. Видно, что корпус ОРД фиксирует речь не одного носителя языка, но и всего его окружения в течение «речевого дня». Подробнее о специфике орфографического представления материалов корпуса ОРД см.: [14. С. 242–243].

здесь исследуемая конструкция выступает только в классической форме Им. — Вин. пп., ср. р., ед. ч. *это самое*, ср.:

*Я уж как психолог / извини / **это самое** / вмешиваюсь / потому что в три-пять лет / а потом всё константно* (МУРКО);

*а в выходные дни я (...) *К люблю это самое отдыхать* (САТ)²;

*ты одевай тапки // во-первых / у тебя будут ноги в... В это самое (...) во-вторых / ты получишь ... *П очень хорошие болезни / когда у тебя жизнь приобретет цену ...* (ОРД);

*ты **это самое** / ты будешь к двум / на кафедре? *П ага / ага* (ОРД);

П и обкладываем // ее можно хоть / **это самое / под металл / *П хоть вот такого цвета* (ОРД);

*Ой / я и забыл / **это самое** / на станции / там на вагоне было написано «шестьдесят тонн»* (МУРКО).

Объектом поиска в контекстах (4)–(9) являются разные единицы: глагол (4)–(5); вводное слово (6), предикативная единица (7), (9), определение (8) (в примерах подчеркнуты).

Кроме того, найденная единица может следовать после ПМ ЭС дистантно — см. примеры (1), (2), (6) — или сразу после маркера — см. примеры (3)–(5), (7)–(9). Дистанция между ЭС и найденным словом может быть заполнена либо оборванными фрагментами, дополнительно свидетельствующими о затруднениях говорящего в подборе нужного слова (*же... же... ш...*); либо физической паузой гезитации ((...)), либо другим прагматическим маркером (*на вот этой вот*).

Во всех приведенных примерах результат поиска оказался удачным (нужное слово найдено), но случается и иначе, ср.:

*Лёша перебирался туда / значит / в **эту самую** / в Волынов / уже один* (МУРКО);

*Лукашенко сидел там **как этот самый** () значит () и все вывешивали флагами этими () *О вот / и соответственно значит () эта / конечно я понимаю то что там / как бы вот () то что туда вкладывается / и да!* (САТ);

*это какой-то ужас // мы () **это самое** уже / *П вчера / в... они вышли из зала заседания //* (ОРД).

ЭС в «классической» форме может использоваться в качестве чисто гезитативного маркера, без явного поиска. Важно отметить, что такие примеры нашлись только в корпусах ОРД

² Знак *К в расшифровках и САТ, и ОРД означает кашель, знак (...) — гезитационную паузу. Знак *П означает физическую (незаполненную) паузу гезитации.

и МУРКО, в том числе редуцированная форма маркера — *самое* — только в корпусе ОРД, ср.:

*там Наташа% наверно уже загулялась с нашим молодым человеком # ну ничего / ничего // *П самое... П пусть молодой человек от... отдохнет от нас / да ? (ОРД);*

Я еще говорю / «что за хэ-хэ такая лазила здесь» // Это самое // Ну и / и главное / в одиннадцатом часу я / я опять в туалет хочу / на другой день (МУРКО).

Помимо хезитации, ПМ ЭС в способен реализовать в устной речи и функцию *самокоррекции*, см.:

слушай / а у меня так и не прис... / это самое / не было твоей эсэмэски (ОРД);

так был ярк... [это самое] был [июльский день (САТ);

Ну / следующий кто будет защищать свое... это самое... свои... (МУРКО).

В материале исследования оказались зафиксированы все три типа *разграничительных маркеров* ЭС: например, стартовый (18), финальный (19) и навигационный (20)–(21). Они помогают говорящему либо начать реплику или направить продвижение начатого речевого фрагмента вперед, либо завершить процесс говорения.

ну в общем ну это самое / чтобы их угостили / в ресторане там / в кафе / они тоже решили половить рыбу (САТ);

*в грубой форме это что ли / это самое *Н? (ОРД);*

проверя... # а что нам надо / я так от тебя и не добилась # () в... это самое / пленка нам нужна # пленочка нам нужна (ОРД);

Ваня уехал на лечение туда / это самое / я пришла с дня рождения / пошла за водой (МУРКО).

Под *маркерами-ксенопоказателями* традиционно в лингвистике понимают «знаки чужого голоса, отчуждаемой речи, чужого мира», основной функцией которых является «маркировка присутствия Другого» [1. С. 437, 448]. Термин «чужая речь» (ЧР) при этом оказывается весьма условным, поскольку обозначает не только реальную чужую, но и собственную речь говорящего, сказанную им ранее (своеобразное самоцитирование) или планируемую на будущее, а также собственные или чужие мысли и даже речевое, «говорящее» поведение другого человека (см. подробнее: [12. С. 284; 19]. Для маркера ЭС функция *ксенопоказателя* в материале исследования оказалась довольно редкой и встретилась только в устной непубличной речи в корпусе МУРКО, ср.:

Вот он приходит / и это самое / «доченька / а чё ты поедешь? Мы тебе дадим щас полторы ставки / сразу полторы» (МУРКО).

В примере (22) с помощью маркера ЭС говорящий вводит ЧР (в данном случае — действительно чужую), показывая, что вся последующая фраза является цитатой. Видно, что маркер стоит в препозиции по отношению к передаваемой информации, т. е. выстраивается конструкция, близкая к типичным конструкциям с прямой речью.

Сопоставительный анализ результатов исследования

Частота употребления ПМ ЭС на миллион слов каждого корпуса — IPM (сокр. от *instances per million words*) — рассчитывается по следующей формуле: $IPM = \text{число вхождений ПМ ЭС} \times 2 \times 1\,000\,000 / \text{объем слов подкорпуса}$. Важно отметить, что при расчете в число словоупотреблений из корпусов ОРД и САТ входят только слова, а не все элементы текстов расшифровок, не включая знаки дискурсивной транскрипции (встраивания речи собеседника, обозначения конца синтагмы, наложения речи, различного типа пауз и т. п.). Анализ материала показал, что существуют значимые различия в частоте использования исследуемого маркера в разных корпусах (= в разных типах устной речи) (табл. 1). Отметим, что редуцированная форма маркера ЭС (*самое*) встретилась только в материале ОРД. Поэтому при расчете IPM для ОРД количество редуцированных форм ПМ ЭС было отдельно учтено: $IPM = (\text{число вхождений ПМ ЭС (полная форма)} \times 2 \times 1\,000\,000 + \text{число редуцированной формы ПМ ЭС} \times 1\,000\,000) / \text{объем слов подкорпуса}$.

Из таблицы 1 видно, что в диалогической речи (ОРД) маркер ЭС употребляется в 2,67 раза чаще, чем в монологической (САТ). Частота использования ПМ ЭС в корпусе МУРКО самая низкая в настоящем исследовании (IPM 82), потому что доля устной непубличной речи в данном корпусе слишком мала.

Как видно из таблицы 2, по числу типов ПМ ЭС выстраивается такое соотношение корпусов: МУРКО > ОРД > САТ. Хезитативный маркер ЭС всегда является самым распространенным типом ПМ, при этом чаще всего он используется в качестве хезитативно-поискового маркера. Разграничительный маркер ЭС всегда занимает второе место, но количественное соотношение его подтипов (стартового, навигационного и финального) различается в трех корпусах: в корпусах ОРД и МУРКО: стартовый > финальный >

навигационный, а в корпусе САТ: навигационный > стартовый. Маркер самокоррекции и маркер-ксенопоказатель не так часто употребляются в устной коммуникации как первые три типа ПМ ЭС, при этом маркер-ксенопоказатель встретился только в устной непубличной речи в корпусе МУРКО.

Далее стоит обратить внимание на детали частных частотных употреблений исследуемой единицы ЭС в роли поисково-хезитативного маркера, что имеет существенное значение при полноценном описании функционирования ПМ ЭС в устной речи. В таблице 3 показано соотношение разных объектов поиска применительно к ПМ ЭС.

Таблица 1
Table 1

Частота употребления прагматического маркера ЭТО САМОЕ в разных корпусах
The frequency of use of the pragmatic marker ETO SAMOE in different corpora

Корпус \ Количественные данные	Общее количество словоупотреблений	Количество ПМ ЭС	IPM
ОРД	643 960	480	1486
САТ	165 267	46	556
МУРКО	5 461 381	225	82

Таблица 2
Table 2

Количественное соотношение разных типов прагматического маркера ЭТО САМОЕ в разных корпусах (в %)

The quantitative ratio of different types of pragmatic marker ETO SAMOE in different corpora (in %)

Корпус \ Тип ПМ	Хезитатив		Разграничитель			Маркер самокоррекции	Ксенопоказатель
	Чистый хезитатив	Поисковый хезитатив	Старт.	Навиг.	Финал.		
ОРД	86,0		10,9			3,1	–
	3,6	96,4	48,6	22,9	28,5		
САТ	89,2		6,5			4,3	–
	–	100	33,8	66,2	–		
МУРКО	78,2		19,1			0,5	2,2
	6,8	93,2	60,7	6,8	32,5		

Таблица 3
Table 3

Объект хезитативного поиска с использованием прагматического маркера ЭТО САМОЕ в разных корпусах (в %)

Hesitative search object using the pragmatic marker ETO SAMOE in different corpora (in %)

Объект поиска \ Корпус	ОРД	САТ	МУРКО
Имя	59,4	73,2	75,6
Глагол-сказуемое	33,0	24,4	15,2
Предикат (не действие)	2,2	–	2,6
Предикативная единица	0,6	–	0,9
Обстоятельство	0,6	2,4	0,8
Определение	0,6	–	–
Вводное слово	0,3	–	–

В таблице 3 сумма процентов в данных корпусах ОРД и МУРКО не доходит до 100 %, потому что в некоторых случаях при неудачном поиске невозможно определить, какие именно единицы ищет говорящий, ср.:

— *Вот по поводу еще значит элиты / покупки / денег там / вот почему именно это самое... Вот все-таки ты вот привел там своих знакомых / да / безусловно хороших людей/ там аристократов духа / вот* (МУРКО);

— *потому что это ... просто это самое (...)* временно (э-э) ну как скажат ... (ОРД).

Употребления ЭС в функции маркера поиска оказались легче всего систематизировать, потому что в повседневной коммуникации заминка (хезитация) обычно появляется у говорящего при поиске разных лексических средств для продолжения речи [10]. Имя и глагол являются самыми частыми

объектами поиска во всех трех корпусах. В диалогической речи (ОРД) типов объекта поиска больше, чем в монологической речи (САТ) и в устной речи с низкой степенью спонтанности (МУРКО).

Анализ употреблений ЭС в роли хезитатива позволяет рассмотреть материал еще в одном аспекте: каким оказывается в конечном счете результат хезитативного поиска? Исследование показало, что такой поиск может быть как удачным (нужное говорящему слово или высказывание найдено, после некоторой заминки коммуникация продолжается), так и неудачным (нужное слово или высказывание не найдено, общение прерывается, или говорящий продолжает говорить, просто пропуская неудобный фрагмент). Данные в таблице 4 хорошо свидетельствуют об умении говорящего в разных типах речи преодолевать естественные речевые сбои с помощью исследуемого маркера ЭС.

Таблица 4

Table 4

Результаты поиска с использованием прагматического маркера ЭТО САМОЕ в разных корпусах (в %)

Search results using the pragmatic marker ETO SAMOE in different corpora (in %)

Корпус \ Характер поиска	Удачный поиск	Неудачный поиск
ОРД	60,8	39,2
САТ	85,4	14,6
МУРКО	76,2	23,8

Удачный поиск говорящим нужного слова или словосочетания может закончиться по-разному. Найденная единица может следовать после поисковой конструкции сразу (онлайн) или дистантно (офлайн). Дистанция между ЭС и найденной еди-

ницей может отражать способность говорящего преодолевать коммуникативные затруднения или свидетельствовать об объеме его оперативной памяти. Соответствующее количественное соотношение представлено в таблице 5.

Таблица 5

Table 5

Дистанция между маркером ЭТО САМОЕ и искомой единицей (в %)

Distance between marker ETO SAMOE and the desired unit (in %)

Корпус \ Положение искомой единицы	Дистантно после ЭС (офлайн)	Сразу после ЭС (онлайн)
ОРД	53,8	46,2
САТ	51,4	48,6
МУРКО	20,8	79,2

Видно, что примерно в половине случаев в материале ОРД и САТ искомое слово расположено дистантно после хезитатива ЭС, в другой половине — сразу после ЭС. Связь дистанции между маркером ЭС и найденной единицей с типом

речи не очевидна. Однако в корпусе МУРКО большинство найденных единиц (79,2 %) употреблено сразу после хезитативного маркера ЭС. Это объясняется тем, что речь в МУРКО в целом отличается большей степенью подготовленности,

и в этом случае говорящий легче и быстрее находит нужное ему слово или высказывание.

При поиске имени наблюдается либо гармония, либо дисгармония форм конструкции ЭС и най-

денного имени, согласующихся или не согласующихся между собой по роду, числу и падежу. В таблице 6 представлено количественное соотношение таких ситуаций.

Таблица 6
Table 6

**Гармония/дисгармония форм вербального хезитатива ЭТО САМОЕ
и найденного имени (в %)**

**Harmony/disharmony of forms of the verbal hesitative ETO SAMOE
and the found name (in %)**

Корпус \ Соотношение форм	Гармония форм	Дисгармония форм
ОРД	70,2	29,8
САТ	40	60
МУРКО	76,4	23,6

Видно, что в корпусах ОРД и МУРКО гораздо чаще встречается гармония форм исследуемого маркера ЭС и найденного имени, а в корпусе САТ чаще наблюдается дисгармония их форм. Можно выдвинуть предположение, что рассматриваемый параметр коррелирует с типом устной речи и монолог в этом отношении отличается от диалога и полилога.

Заключение

Проведенный анализ звучащего материала из разных корпусов русской устной речи (речи разного типа) убедительно показал, как много нового и порой неожиданного может выявить подобное исследование. В частности, как справедливо отметила Н. В. Богданова-Бегларян, «внимательное отношение к <...> единицам [живой устной речи. — С. С.] и их поведению может смягчить привычный обывательский негативизм в отношении многих чисто речевых явлений и увидеть за ними не только небрежность нашего говорения, но и языковую эволюцию или даже „изъяны словаря“» [6. С. 467].

Носители языка легко и неосознанно (автоматически) употребляют в своей речи прагматиче-

ские маркеры; эти единицы, не несущие смысловой нагрузки, несколько не мешают говорящим правильно воспринимать обращенную к ним речь, а в устных синхронных переводах их попросту опускают — как слова-паразиты, некий «словесный мусор» [16. С. 17]. На самом деле, ПМ в русском устном дискурсе играют важную роль, выполняя различные функции при его рождении и организации. Они очень частотны в устной коммуникации, не обладают собственным лексическим значением или обладают ослабленной (bleached) семантикой, утрачивают свое грамматическое значение (грамматическую парадигму и способность к словоизменению), а также синтаксические связи с другими единицами в рамках высказывания. Количество ПМ в речи и характерные черты их употребления коррелируют определенным образом с типом устной речи (спонтанной диалогической / спонтанной монологической / квазиспонтанной). Кроме того, частота употребления ПМ, в частности, маркера *это самое*, имеет тесную связь со степенью естественности и спонтанности устной речи. В этом усматривается научная новизна и теоретическая значимость проведенного исследования.

Список источников

1. Арутюнова Н. Д. Показатели чужой речи *де, дескать, мол* // Язык о языке : сб. статей / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 437–452.
2. Басалаева Е. Г., Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Стилистическая квалификация разговорной лексики в Базе данных прагматически маркированной лексики русского языка // Повседневная речь как объект лексикографии (Тринадцатые Шмелевские чтения) : тезисы докладов Междунар. конференции. М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2020. С. 9–10.
3. Богданова Л. И. Слово в речи и в словаре // Слово и словарь. *Vocabulum et vocabularium* : сб. науч. материалов / И. Л. Копылов (гл. ред.). Минск : Четыре четверти, 2017. С. 7–12.

4. Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: Определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 3 (27). С. 7–20.
5. Богданова-Бегларян Н. В. Предисловие редактора // Прагматические маркеры русской повседневной речи : словарь-монография / сост., отв. ред. и автор предисловия Н. В. Богданова-Бегларян. СПб. : Нестор-История, 2021. С. 5–52.
6. Богданова-Бегларян Н. В. Некоторые итоговые размышления // Прагматические маркеры русской повседневной речи : словарь-монография / сост., отв. ред. и автор предисловия Н. В. Богданова-Бегларян. СПб. : Нестор-История, 2021. С. 466–468.
7. Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Зайдес К. Д. Корпус «Сбалансированная Аннотированная Текстоотека»: методика многоуровневого анализа русской монологической речи // Анализ разговорной русской речи (АРЗ–2017) : труды седьмого междисциплинарного семинара / науч. ред. Д. А. Кочаров, П. А. Скрелин. СПб. : Политехника-принт, 2017. С. 8–13.
8. Горбунова Д. А. Прагматические маркеры русской устной речи: корреляция с психотипом говорящего : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2021. 275 с.
9. Захаров В. П. Корпусная лингвистика : учеб.-метод. пособие. СПб. : СПбГУ, 2005. 48 с.
10. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи : колл. монография. Ч. 2 : Теоретические и практические аспекты анализа. Том 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб. : Филологический ф-т СПбГУ, 2015. 364 с.
11. Левонтина И. Б. Пересказываемость в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог». Вып. 9 (16). М. : РГГУ, 2010. С. 284–289.
12. Прагматические маркеры русской повседневной речи : словарь-монография / сост., отв. ред. и автор предисловия Н. В. Богданова-Бегларян. СПб. : Нестор-История, 2021. 520 с.
13. Приемшьева М. Н. Разговорная лексика vs разговорная речь: тенденции и проблемы лексикографического описания // Повседневная речь как объект лексикографии (Тринадцатые Шмелевские чтения). Тезисы докладов международной конференции (23–25 февраля 2020 г.) / отв. ред. Л. П. Крысин. М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2020. С. 58–59.
14. Русская спонтанная речь. Свободные монологи-рассказы на заданную тему. Тексты. Лексические материалы / сост. В. В. Куканова ; отв. ред. и автор предисловия Н. В. Богданова. СПб. : Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2008. 208 с.
15. Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах : колл. монография / под ред. Н. В. Богдановой-Бегларян. СПб. : ЛАЙКА, 2016. 244 с.
16. Сунь Сяоли. Слово самый в свете активных процессов русской речи (грамматикализация, идиоматизация и прагматикализация) // Русская речь. 2022, № 2. С. 7–23.
17. Aijmer K. I Think — an English Modal Particle // Modality in Germanic Languages. Historical and Comparative Perspectives / T. Swan, O. Jansen Westvik (eds.). Berlin, New York : Mouton de Gruyter, 1997. Pp. 1–47.
18. Bogdanova-Beglarian N. V., Ryko A. I. Xeno-Marker as an interpreter of silence or speech behavior in oral communication (difficulties in translation and teaching RFL) // Синергия языков и культур: междисциплинарные исследования : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., 23–24 сентября 2021 г., Санкт-Петербург. СПб., 2022.
19. Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Martynenko G. An exploratory study on sociolinguistic variation of spoken Russian // SPECOM 2016: Speech and Computer, vol. 9811. Cham : Springer, 2016. Pp. 100–107.
20. Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Baeva E., Martynenko G., Ryko A. Sociolinguistic extension of the ORD corpus of Russian everyday speech // SPECOM 2016: Speech and Computer, vol. 9811. Cham : Springer, 2016. Pp. 659–666.
21. Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Martynenko G. Linguistic features and sociolinguistic variability in everyday spoken Russian // SPECOM 2017, LNAI, vol. 10458. Cham : Springer, 2017. Pp. 503–511.
22. Brinton Laurel J. The development of I mean: Implications for the study of historical pragmatics // Methods in Historical Pragmatics, edited by Susan M. Fitzmaurice and Irma Taavitsainen, Berlin, New York : De Gruyter Mouton, 2008, Pp. 37–80.

23. Degand L., Evers-Vermeul J. Grammaticalization or Pragmaticalization of Discourse Markers? More than a Terminological Issue // *Journal of Historical Pragmatics*. 2015. № 16 (1). Pp. 59–85.
24. Diewald G. *Grammatikalisierung: Eine Einführung in Sein und Werden grammatischer Formen*. Tübingen: Niemeyer, 1997. 133 p.
25. Graf E. *Interjektionen im Russischen als Interaktive Einheiten*. Frankfurt am Main, 2011. 328 p.
26. Günther S., Mutz K. Grammaticalization vs Pragmaticalization? The Development of Pragmatic Markers in German and Italian // Bisang W, Himmelmann NP, Wiemer B (eds.). *What Makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components*. Berlin : Language Arts & Disciplines, 2004. Pp. 77–107.

References

1. Arutyunova ND. Indicators of someone else's speech *de, deskat', mol.* In: *Yazyk o yazyke = Language about language / Arutyunova ND (ed.)*. Moscow: Languages of Russian Culture; 2000. Pp. 437–452. (In Russ.).
2. Basalaeva EG, Bulygina EYu, Tripolskaya TA. Stylistic qualification of colloquial vocabulary in the database of pragmatically marked vocabulary of the Russian Language. In: *Povsednevnyaya rech' kak ob'ekt leksikografii (Trinadcatye Shmelevskie chteniya) = Everyday speech as an object of lexicography (Thirteenth Shmiel readings)*. Moscow: Institute of the Russian Language. V. V. Vinogradov RAS; 2020. Pp. 9–10. (In Russ.).
3. Bogdanova LI. The word in speech and in the dictionary. In: *Slovo i slovar'. Vocabulum et vocabularium = Word and dictionary. Vocabulum et vocabularium*. Minsk: Four quarters; 2017. Pp. 7–12. (In Russ.).
4. Bogdanova-Beglaryan NV. Pragmatems in oral everyday speech: definition of the concept and general typology. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya = Bulletin of the Perm University. Russian and foreign philology*. 2014;(3(27):7-20. (In Russ.).
5. Bogdanova-Beglarian NV. Editor's preface. In: *Pragmaticheskie markery russkoj povsednevnoj rechi: slovar'-monografiya = Pragmatic markers of Russian everyday speech: dictionary-monograph*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya; 2021. Pp. 5–52 (In Russ.).
6. Bogdanova-Beglaryan NV. Some final reflections. In: *Pragmaticheskie markery russkoj povsednevnoj rechi: slovar'-monografiya = Pragmatic markers of Russian everyday speech: dictionary-monograph*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya; 2021. Pp. 466–468. (In Russ.).
7. Bogdanova-Beglarian NV, Sherstinova TYu, Zaides KD. Corpus “Balanced Annotated Text Library”: a technique for multi-level analysis of Russian monologue speech. In: *Analiz razgovornoj russkoj rechi (ARZ-2017) = Analysis of colloquial Russian speech (ARZ-2017)*. St. Petersburg: Polytechnic-print; 2017. Pp. 8–13 (In Russ.).
8. Gorbunova DA. *Pragmaticheskie markery russkoj ustnoj rechi: korrelyaciya s psihotipom govoryashchego = Pragmatic markers of Russian oral speech: correlation with the psychotype of the speaker*. Thesis. St. Petersburg; 2021. 275 p. (In Russ.).
9. Zakharov VP. *Korpusnaya lingvistika = Corpus linguistics*. St. Petersburg: SPbU; 2005. 48 p. (In Russ.).
10. Bogdanova-Beglarian NV (ed.) *Zvukovoy korpus kak material dlya analiza russkoj rechi. Kollektivnaya monografiya. Chast' 2. Teoreticheskiye i prakticheskiye aspekty analiza. Tom 2. Zvukovoy korpus kak material dlya novykh leksikograficheskikh proyektov = Sound corpus as a material for the analysis of Russian speech. Collective monograph. Part 2. Theoretical and practical aspects of the analysis. Volume 2. Sound corpus as material for new lexicographic projects*. St. Petersburg: Faculty of philology of SPbU; 2015. 364 p. (In Russ.).
11. Levontina IB. Retelling in the Russian language. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii = Computational linguistics and intelligent technologies*. Issue 9 (16). Moscow: RGGU; 2010. Pp. 284–289. (In Russ.).
12. Bogdanova-Beglarian NV (ed.) *Pragmaticheskie markery russkoj povsednevnoj rechi: slovar'-monografiya = Pragmatic markers of Russian everyday speech: dictionary-monograph*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya; 2021. 520 p. (In Russ.).
13. Priemysheva MN. Conversational vocabulary vs colloquial speech: trends and problems of lexicographic description. In: *Povsednevnyaya rech' kak ob'ekt leksikografii (Trinadcatye Shmelevskie chteniya) = Everyday speech as an object of lexicography (Thirteenth Shmelev readings)*. Moscow: Institute of the Russian Language. V. V. Vinogradov RAS; 2020. Pp. 58–59.
14. Kukanova VV (comp.), Bogdanova NV (ed.) *Russkaya spontannaya rech'. Svobodnyye monologi-rasskazy na zadannuyu temu. Teksty. Leksicheskiye materialy = Russian spontaneous speech. Free monologues-*

stories on a given topic. Texts. Lexical materials. St. Petersburg: Faculty of Philology and Arts of St. Petersburg State University; 2008. 208 p. (In Russ.).

15. Bogdanova-Beglarian NV (ed.). *Russkiy yazyk povsednevnogo obshcheniya: osobennosti funktsionirovaniya v raznykh sotsial'nykh gruppakh* = Russian language of everyday communication: features of functioning in different social groups. St. Petersburg: LAIKA; 2016. 244 p. (In Russ.).

16. Sun Xiaoli. The word *samyj* in the light of active processes of Russian speech (grammaticalization, idiomatization and pragmaticalization). *Russkaya rech' = Russian speech*. 2022;(2):7-23. (In Russ.).

17. Aijmer K. *I Think* — an English Modal Particle. In: *Modality in Germanic Languages. Historical and Comparative Perspectives* / T. Swan, O. Jansen Westvik (eds.). Berlin, New York: Mouton de Gruyter; 1997. Pp. 1–47.

18. Bogdanova-Beglarian NV, Ryko AI. *Xeno-Marker as an interpreter of silence or speech behavior in oral communication (difficulties in translation and teaching RFL)*. In: *Synergy of languages and cultures: interdisciplinary research*. St. Petersburg; 2022.

19. Bogdanova-Beglarian N, Sherstinova T, Blinova O, Martynenko G. An exploratory study on sociolinguistic variation of spoken Russian. In: *SPECOM 2016: Speech and Computer*, vol. 9811. Cham: Springer; 2016. Pp. 100–107.

20. Bogdanova-Beglarian N, Sherstinova T, Blinova O, Baeva E, Martynenko G, Ryko A. Sociolinguistic extension of the ORD corpus of Russian everyday speech. In: *SPECOM 2016: Speech and Computer*, vol. 9811. Cham: Springer; 2016. Pp. 659–666.

21. Bogdanova-Beglarian N, Sherstinova T, Blinova O, Martynenko G. Linguistic features and sociolinguistic variability in everyday spoken Russian. In: *SPECOM 2017: LNAI*, vol. 10458. Cham: Springer; 2017. Pp. 503–511.

22. Brinton, Laurel J. The development of *I mean*: Implications for the study of historical pragmatics. In: *Methods in Historical Pragmatics*, edited by Susan M. Fitzmaurice and Irma Taavitsainen, Berlin, New York: De Gruyter Mouton; 2008. Pp. 37–80.

23. Degand L, Evers-Vermeul J. Grammaticalization or Pragmaticalization of Discourse Markers? More than a Terminological Issue. *Journal of Historical Pragmatics*. 2015;(16(1):59-85.

24. Diewald G. *Grammatikalisierung: Eine Einführung in Sein und Werden grammatischer Formen*. Tübingen: Niemeyer; 1997. 133 p.

25. Graf E. *Interjektionen im Russischen als Interaktive Einheiten*. Frankfurt am Main; 2011. 328 p.

26. Günther S, Mutz K. Grammaticalization vs Pragmaticalization? The Development of Pragmatic Markers in German and Italian. In: *What Makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components*. Bisang W, Himmelmann NP, Wiemer B (eds.). Berlin: Language Arts & Disciplines; 2004. Pp. 77–107.

Информация об авторе

Сунь Сяоли — кандидат филологических наук, старший преподаватель факультета иностранных языков.

Information about the author

Sun Xiaoli — Cand. Sci. (Philology), Senior Lecturer, Faculty of Foreign Languages.

Статья поступила в редакцию 22.08.2022;
одобрена после рецензирования 10.10.2022; при-
нята к публикации 12.08.2023.

The article was submitted 22.08.2022; approved
after reviewing 10.10.2022; accepted for publication
12.08.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта инте-
ресов.

The author declares no conflicts of interests.